

"История Гадкого Утенка, или Мой ласковый и нежный зверь"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

История Гадкого Утенка, или Мой ласковый и нежный зверь

Знаете что такое 'позднее цветение' у подростков? Нет? Это когда, час назад вымытые волосы от природы густые и вьющиеся, превращаются в жидкие сосульки. Когда кожа реагирует буквально на всё, упорно покрываясь красными пятнами или прыщами. Когда грудь забыла, что ей положено расти и застыла на минус нулевом размере. Когда со стороны ты похожа на ручку от швабры. Когда твои 'подружки' берут тебя с собой на прогулки, что бы повыигрышной выглядеть на твоём фоне. Когда мальчишки в глаза и за глаза называют тебя уродиной. Вот что такое 'позднее цветение'. Я, конечно, пыталась бороться со всеми этими проблемами, но это не имело никакого смысла, и я сдалась, приняла себя такой, какая я есть. Глаза скрыли темные, большие очки, что бы никто больше не видел, как мне обидно и больно. Я стала заматывать длинные волосы в пучок и носить балахоны, в которых не понятно, какая у тебя фигура. Поскольку я больше не пыталась исправить свою внешность и не ходила на свидания с 'подругами' в качестве фона, у меня появилась масса свободного времени, которое я и заняла учебой и чтением. Нет, у меня, само собой разумеется, были подруги, такие же 'синие чулки' как и я, которые упорно делали вид, что кроме науки их ничего не интересует, а потом ревели ночами в подушку... Каждая девушка, красивая или нет, хочет быть любимой, мы были этого лишены. Никто не стремился рассмотреть за нашими очками чистую и светлую душу, мы никому не были нужны, даже самим себе. Так шло время, я закончила школу с золотой медалью и поступила в университет. В моей жизни ничего не изменилось, кроме того что ехать на занятия было дальше и что мама нашла другую работу, связанную с командировками и дома теперь бывала не чаще пары дней в два-три месяца. Ей нравилось, а я привыкла быть одна. Всё так бы и продолжалось, если бы одна из моих 'подруг по несчастью', Марина, не устроилась в замшелый бутик на окраине города за мизерную плату. Хозяину не хотелось платить большую зарплату красавице и он взял Маринку. Её же в свою очередь устраивал способ подработки к стипендии и льстило, что она работает в бутике. В то утро я приехала к ней в магазин, просто посплетничать и увидела это платье. Вы когда-нибудь попадали на вещь, которая бы притягивала ваши взгляды как магнит, которую вам бы хотелось потрогать, померить? Вот и мне попала такая. Черное платье с зелеными разводами. Я ходила вокруг него, как кошка вокруг сметаны, пока Маринка не предложила мне его померить. Недолго сопротивляясь, я схватила платье и унеслась в примерочную. Когда я его одела, то с удивлением обнаружила, что у меня есть фигура, к которой прилагались длинные, стройные ноги. Платье обтягивало меня, как вторая кожа, подчеркивая высокую грудь, тонкую талию, крутые бедра. Я столько лет не обращала на себя внимания, что даже не заметила изменений. Позднее, ко мне заглянула Маринка и увидев меня, застыла столбом, потом подскочила, куда-то смоталась и вернулась со щеткой для волос. Я вытащила шпильки и на меня обрушился водопад белокурых, вьющихся волос, достигающий талии, а потом я сняла свои очки... На меня из зеркала смотрела очень красивая блондинка с серо-зелеными глазами. Мне не нужна была косметика, природа или родители наградили меня темными бровями и ресницами при светлых волосах. Так и стояли мы с Маринкой, рассматривая моё отражение... Потом она выдохнула:

— Ну ничего себе пенки! Как это у тебя получилось?

Наверно, в эту минуту она ждала от меня волшебного рецепта, как стать красивой, но его не было... просто пришла пора моего 'позднего цветения'. Нужно отдать Марине должное, она не стала меня обвинять и не обиделась, она просто сказала:

— Когда-нибудь и я превращусь из гадкого утенка в прекрасного лебедя.

И обратилась ко мне:

— Что ты теперь будешь делать?

Я пожала плечами. Зачем мне было менять свою жизнь? Я к ней привыкла.

Маринка всё же уговорила меня купить это платье. Оно дороговато стоило, но у меня не было проблем с деньгами. Я получала повышенную стипендию, подрабатывала переводами с английского и французского, да и мама подкидывала... а так как больших запросов у меня не наблюдалось, то деньги у меня водились. Так что покупка наряда не пробила брешь в моем бюджете. Честно говоря, я не видела смысла в этом приобретении, поскольку одевать мне его было некуда, но подруга сказала:

— На всякий случай...

И случай вскоре представился... Меня в универе не трогали, как-то даже наоборот нормально относились. Каждому ведь нужна 'палочка-выручалочка' для контрольных и рефератов. Просто, общепризнанная красавица, Оксана собирала всех на вечеринку в модном ночном клубе, в честь своего дня рождения. Меня всегда звали на такие мероприятия, знали что вежливо извинюсь и не пойду, а тут... Совершенно случайно в женском туалете, я услышала разговор Оксаны с её клеветкой, Иррой:

— Ты нашу уродину позовешь? Всё равно откажется.

— Да нет не могу, Сережа сказал, что её вид портит ему настроение и искажает чувство прекрасного. Так что я рисковать не буду, вдруг заявится.

С этими словами они вышли... Сережа — это первый красавец на нашем курсе, казанова и баловень, не знающий отказа. И не далее, как сегодня утром, он увивался вокруг меня в надежде списать. Вот значит как... Искажаю чувство прекрасного...

Я договорилась с Маринкой и после лекций мы пошли покупать мне туфли под новое платье. Поскольку на каблуках я ходить не умела, то мы выбрали изящные лодочки на маленьком каблучке. Донельзя удивленная моим поступком, подруга всю дорогу не давала мне покоя и я рассказала. Она тут же прониклась моим планом и стала активно содействовать. Какие же мы были дуручки, если бы я знала... если бы я только знала...

Мы встретились с Маринкой вечером в пятницу и начали наши приготовления... Как это смешно и глупо выглядит с высоты прожитых мной лет. Но тогда, наивная, обиженная девочка готовилась к своей 'мести', неведая что вступает на путь своей судьбы...

Я вошла в клуб с букетом цветов и огляделась. Мне было непривычно в своём новом облике, я ловила взгляды восхищения, которые приводили меня в смущение. Наконец я увидела университетскую компашку и пошла к ним. Они обратили на меня внимание уже на подходе и удивленно перешептывались и переглядывались. Я приблизилась к имениннице, протянула ей букет и произнесла:

— С днем рождения, Оксана! Пусть у тебя сбудутся все твои мечты и никто никогда не исказит твоё чувство прекрасного!

На лице Оксаны отразилась бурная работа мысли и она выдала:

— Элана?

У меня редкое имя — Элана. Мама с оригинальничала и назвала меня в честь места своего

рождения — Елани, а так как Елана не звучало, то она поменяла первую букву.

Я осмотрела их огорошенные лица, улыбнулась и развернулась на выход.

— Элана! Подожди!

Кто это? Я оглянулась через плечо... Надо же, Сережа собственной персоной.

— Ты что-то хотел? С чего бы? С рефератом ты уже пролетел, а зачеты ещё не скоро...

Он покраснел:

— Я просто извиниться хотел... и пригласить к нам.

Мне стало противно:

— Серьёзно? А как же твоё чувство прекрасного? Не протестует? Интересно, а перед той Эланой, ты бы извинился?

Сергей совсем потерялся в пространстве. Что ему было сказать? Я продолжила свой путь и именно тогда я увидела Его — человека, навсегда изменившего мою жизнь... Он стоял, облокотившись одной рукой на перила, высокий, красивый, сильный, хищный и опасный. Даже в его расслабленной позе чувствовался Зверь. Зверь, затаившийся в засаде, изготовившийся к прыжку. Хищник ждущий жертву. Мы встретились взглядами, он осмотрел меня с головы до ног и поманил пальцем к себе. Сердце ухнуло и оборвалось от страха, он испугал меня. Я застыла и...

— Сергей... Я передумала, пошли.

Я вцепилась в однокурсника, как в последнюю надежду. Почему? Почему этот мужчина вызвал у меня панический ужас? Я попыталась выбросить мысли о нем из головы и сосредоточиться на происходящем вокруг меня. Впрочем, тут не было ничего стоящего внимания, меня окружила вся мужская половина курса. Смешно и грустно одновременно... Хотя... почему бы не и нет. Вечер катился своим чередом. Мы танцевали, пили, разговаривали, шутили. Несколько раз я натыкалась взглядом на Хищника и каждый раз внутри всё замирало от страха. Мне стало казаться, что его зеленые глаза неотрывно следят за мной. Хищник вышел на охоту, он нашел жертву. Я помотала головой, отгоняя дурацкие мысли. По-моему я просто опьянела от пары коктейлей, вот и мерещится всякая чушь. Спустя какое-то время, у меня началось головокружение. Я усмехнулась... 'успех вскружил голову' и попросила Сергея вывести меня на свежий воздух. На улице мне стало легче и я решила не возвращаться, но моя сумочка осталась внутри, куда мне идти совсем не хотелось. Я отправила его за своим аксессуаром, пообещав подождать здесь.

Я не дождалась, вернее мне не дали дожждаться... Меня просто скрутили и запихали в машину, не говоря ни слова. Я пыталась звать на помощь и вырываться. Бесполезно, что я могла против троих здоровенных мужиков. Мне заклеили рот и надели наручники. Куда меня везли? Зачем? Кому я помешала? Никогда за свою жизнь я не испытывала такой паники. Наконец машина остановилась, меня вытащили наружу и поволокли в громадный дом. Втолкнув в комнату, сняв клейкую ленту с губ и наручники, они ушли, захлопнув за собой дверь. Я осталась одна и начала осматриваться, в комнате ничего не было, кроме огромной кровати и пустого встроенного шкафа, на окне были фигурные решетки, одна из двух дверей вела в ванную комнату, вторая, через которую меня сюда впахнули, была заперта. Не знаю, сколько прошло времени, пока не открылась запертая дверь и не вошел Хищник. Я вскочила с края кровати, где

сидела всё это время, и прижалась к стене. Хищник подошел ко мне, оглядел и... превратился в Зверя. Он изнасиловал меня — цинично, жестоко, не обращая ни малейшего внимания на сопротивление, слезы и мольбы. А потом он ушел. Ушел и оставил меня в разорванном платье, на окровавленных, смятых простынях. Не было ни сил, ни желания двигаться, что-то сломалось внутри, опустело. Не так я представляла себе свой первый раз. В моих мечтах я знакомилась с молодым человеком, мы долго встречались, у нас были общие интересы, потом он бы сделал мне романтическое предложение и мама бы плакала от счастья за нас; за всем этим последовала бы скромная свадьба, но обязательно с белым платьем, фатой и куклой на бампере, а моя первая ночь должна была быть наполнена любовью и заботой. А вместо этого, мне достался Зверь и боль... Боль души и тела, которую не облегчали даже слезы. Я свернулась в клубок и стала ждать утра. Что мне ещё оставалось?

Утром, против моего ожидания, меня не отпустили. Я сползла с кровати, подошла к двери и прислушалась. Тишина. Я начала колотиться в дверь и кричать, на что мне грубо посоветовали уgomониться и заткнуться, если не хочу опять оказаться в наручниках и с кляпом во рту. Такого желания не испытывала, у меня вообще было единственное желание — оказаться отсюда за тысячи километров и забыть об этом кошмаре... по возможности забыть... Опять потянулись минуты и часы ожидания... Внезапно дверь открылась и вошел один из вчерашних похитителей с подносом, второй стоял в дверях, как это... 'на стреме?' Передо мной плюхнули поднос и удалились. Мне принесли еду и... противозачаточные таблетки. Зверь заботился о своей жертве... Я тупо смотрела на, лежащее передо мной, и не могла поверить своим глазам. Через несколько минут дверь опять открылась и к кровати подошел всё тот же амбал. Он протянул мне какую-то тряпку и сказал с неловкостью:

— Ты бы это в душ сходила бы, чё лежишь куклой, кровь присохнет... ты иди, мы тут пока порядок поднаведем. Иди-иди...

Я встала, взяла эту тряпку, оказавшуюся громадной футболкой, и молча пошла к двери в ванную. Я уже взялась за ручку, когда услышала:

— Слышь, девка, ты это поешь чего-то...

У меня началась истерика. Тюремщик заботится об узнике. Зачем? Меня трясло и колотило. Я стояла под обжигающим душем и не чувствовала этого. Мне было холодно и страшно. Я понимала, что меня не найдут. Никто не видел кто и куда меня увозил, мне не на что надеяться. Я могу просто бесследно пропасть, сгинуть, раствориться. И графа в милицейском отчете пополниться ещё одной пропавшей безвести. Выйдя из ванной, я увидела чистую и заправленную постель и поднос с едой на ней. Сил думать не осталось совсем, кусок в горло тоже не лез. Я натянула на себя покрывало, съёжилась и задремала.

Проснулась я от звука открывающейся двери. Ко мне опять пришел Зверь и всё повторилось. Он смеялся над моими тщетными попытками сопротивления... ему было весело... Именно тогда, когда ко мне пришло это понимание, я, распластанная тяжестью его тела, замерла, не желая доставлять Зверю, хотя бы это удовольствие. Я лишь закрыла глаза, что бы не видеть его лицо, такое идеально красивое и ненавистное. Я затихла и ждала... ждала окончания этой пытки. Зверь уже уходил и я спросила:

— Когда ты отпустишь меня?

Он развернулся, сощурился:

— Надо же у тебя есть голос, а я думал ты только рыдать и кричать можешь...

И бросил, как подачку:

— Когда надоешь...

Махнул рукой в сторону упаковки с таблетками:

— Не забудь принимать, для тебя же лучше.

И ушел.

Так значит. Зверь поймал жертву и решил поиграть. Я в первый раз в своей жизни познакомилась с ненавистью. В этот миг, она родилась, окрепла и затаилась. Я сжилась с ней, подружилась, ненависть стала частью меня. Я умела ждать...

Дни тянулись за днями, я сходила с ума в этой комнате, наедине с кроватью. Целыми часами я просиживала на подоконнике и вспоминала учебники, любимые книги или стихи, стараясь занять себя хоть чем-то, что бы не сгореть в своей испепеляющей ненависти. Пустой гардероб Зверь заполнил тем, что он называл 'одеждой': кружева, мех, перья, стразы, вышивка; всё прозрачное, вызывающее и вульгарное. И я носила эти наборчики, от которых меня тошнило. Был ли у меня выбор? Конечно, был. Ходить голой. Зверь приходил каждую ночь. Каждую ночь одно и то же. Он входил в дверь, я вставала, раздевалась, ложилась и закрывала глаза. Надувная кукла. Не было больше ни слез, ни просьб, ни криков. Я молчала и ждала. Иногда я слышала за дверью женские голоса и стук каблучков. У него были гости. Первый раз, я обрадовалась- женщина, значит не придет. Зря... Зверь всё равно пришел. Ему доставляло какое-то извращенное удовольствие смотреть на меня, дотрагиваться, зарываться в мои волосы... Зачем ему это? Зачем ему кукла, вздрагивающая от его прикосновений? Он не причинял мне больше боли... даже старался быть нежным что ли... Это было хуже всего. Меня выворачивало от этого. Но я молчала и ждала случая. И мне этот случай предоставился...

Мой мучитель, видимо, уехал, потому что охрана перепилась и один из них, принеся мне очередной поднос, забыл закрыть дверь. Это был мой шанс. Я обмоталась простыней и стала осторожно спускаться вниз. На моё везение, мне никто не встретился по дороге. Уже на выходе, я увидела пиджак, висящий на спинке стула и стащила его. Да, мне было стыдно, но я должна была хоть во что-то одеться. Шариться по дому в поисках вещей, я не рискнула. Особняк окружал высокий забор, мне пришлось довольно долго искать, как преодолеть это препятствие. Но мой ангел-хранитель решил вспомнить обо мне сегодня, я нашла калитку и она была не заперта. Во внутреннем кармане, украденного пиджака, обнаружился бумажник с деньгами. Их хватило, что бы добраться до города, поменяв три машины. Слава Богу, что водители оказались порядочными людьми и пожалели меня, но я все равно решила не рисковать и меняла транспорт. В городе я позвонила сначала маме, успокоила её. Да, я соврала. Что бы я ей сказала? Мама, надо мной надругались? Я не смогла этого сделать, мне казалось- это ложь во спасение. Следом, я позвонила Маринке и попросила её о помощи. Мы договорились, где я буду её ждать. Маринка приехала через час, нашла меня на чердаке и отдала одежду. Она привезла мне джинсы, футболку, куртку и бейсболку младшего брата и свои красовки и нижнее бельё. Именно ей, а не маме, я рассказала всё. Маринка подумала и сказала, что домой мне возвращаться пока нельзя и у неё есть ключи от квартиры тети, которая сейчас за границей. Мы смотались к ней за ключами и потом приехали на адрес. Подруга приволокла мне продукты и велела без особой нужды из дома не выходить. Я и не стремилась. Я заперлась в квартире и приходила в себя. И хотя я не включала свет вечером, не подходила к двери и старалась не шуметь, меня это не раздражало. У меня была СВОБОДА. Через неделю кончились продукты, а Маринки всё не было и я рискнула выбраться в магазин и

позвонить. Оказалось, она сломала ногу и теперь передвигаться не может, пришлось рассчитывать только на себя. Через несколько дней мне опять нужно было купить запас еды и я пошла. Как только я открыла дверь подъезда, меня схватили за предплечье и сорвали бейсболку, волосы рассыпались по плечам. Я развернулась. На меня насмешливо смотрели зеленые глаза Зверя:

— Вот мы и встретились, котенок. Далеко убежала?

Он потащил меня к машине. Я не стала биться в истерике, рыдать и умолять. Я просто позволила выйти своей ненависти. Она заполонила меня, выглянула из моих глаз. Я выкручивалась из его рук и шипела, повторяя только одно:

— Ненавижу! Ненавижу! Ненавижу!

Зверь развернулся ко мне и застыл. Он стоял и не мог оторваться от моих глаз, из которых рвалась наружу ненависть. Потом опомнился, схватил меня в охапку, запихнул на заднее сиденье и сел сам. Всю дорогу до моей 'тюрьмы' он обнимал меня и гладил по волосам, а меня трясло и выгибало от чувства, овладевшего мной полностью. Ему пришлось практически выцарапывать меня из машины и нести на руках наверх. Это было нелегко, я выворачивалась, сопротивлялась и молчала. Я опять замолчала. Зверь втащил меня в комнату, скинул на кровать и ушел со словами:

— Мы поговорим, когда успокоишься.

Я сидела на подоконнике, когда, пару часов спустя, он пришел и остановился в дверях. Моей реакции не последовало. Зачем? Всё одно скажет за чем явился. Зверь приблизился к моему местонахождению, встал в свою обманчиво-расслабленную, излюбленную позу — руки перекрещены на груди, плечо опирается о стену и начал изучать меня. Интересно, что он ждет? Или мне следовало броситься ему на шею с криками благодарности за проявленную заботу по предоставлению мне места жительства? Наивность не его стиль. Прервав мои мысли, Зверь произнес:

— Я хочу предложить тебе сделку. Я не готов тебя отпустить... пока... но и времени гоняться за тобой у меня нет. Поэтому... Я позволю тебе посещать занятия в университете, передвигаться в пределах дома и звонить матери... но всё это под присмотром двух охранников...

'Лучше бы сказал — тюремщиков...'

Он продолжал:

— Приняв мои условия, ты не будешь пытаться сбежать, не будешь никому ничего рассказывать и будешь носить, то что нравится мне. Ты уже прекрасно поняла, что в моих силах найти тебя где угодно, и думаю тебе не безразличны твои близкие и друзья... Ну что? Ты согласна? Ответишь сейчас или подождешь до утра?

Мои губы искривились в презрительной усмешке:

— Решил сделать поводок по длиннее?

Зверь пожал плечами:

— Если тебе так больше нравится. Так что?

Лучше синица в руках, чем журавль в небе...

— Я согласна.

Он кивнул:

— Я не сомневался в твоей благоразумности. Послезавтра пойдешь на занятия, завтра тебе всё нужное принесут. Надеюсь, ты не наделаешь глупостей.

Помолчал и добавил:

— Кстати, если бы ты не сбежала, то через пару недель была бы дома... Не повезло тебе, не дождалась...

И вышел, хлопнув дверью.

Если бы... какие короткие слова и как много от них зависит. Если бы, я подождала... А если бы, он просто подошел ко мне познакомиться и начал оказывать знаки внимания, я бы уже витала в розовых мечтах и пускала слюнки от глупой влюбленности. Такое убийственное сочетание невозможно не оценить: темный шатен с зелеными глазами и смуглой кожей, высокий рост, пропорционально сложенное тело с широкими плечами и узкой талией. Если бы он... если бы я... если бы. Трагично...

Этой ночью он не пришел. Зверь напился и буянил. Я слышала, как крушиться мебель и бьется посуда. Несколько раз ручка двери начинала поворачиваться, но он так и не вошел. Почему? Что довело его до такого состояния? Или это праздник в честь победы? В конце концов я уснула.

Утром мой скудный интерьер украсился письменным столом, креслом, стелажом с книгами и моими конспектами, телевизором и компьютером. Последнее меня очень порадовало, не омрачило радость даже то, что доступ в интернет был ограничен, то есть вся моя почта и переписка люстрировалась. Кому мне писать? И о чем? Следом принесли целый ящик одежды, против моего ожидания без всяких вырезов до пупка и коротких подолов. Совсем не разбираясь в моде и фирмах, я поняла стоимость этих вещей и недоумевала — зачем всё это, ради чего стоило тратиться на пленницу. Впрочем, меня не это должно волновать, а то — как мне из всего этого вырваться. Неожиданные уступки пугали и наводили на подозрения. Что он задумал? Что мне ожидать? Куча вопросов и ни одного ответа. Я НЕ ПОНИМАЛА, в принципе, зачем я была нужна Зверю, какое удовольствие он находил держа меня под замком.

Устав ломать голову, я засела за учебники, слишком много я пропустила и теперь предстояло наверстывать упущенное. Возникал вопрос — как я буду оправдываться в деканате за почти два месяца пропусков без уважительной причины. Не могла же я придти и заявить о случившемся на самом деле. Ладно, придумаю что-то. После встречи с Зверем, моя жизнь покатила под откос — я украла, врала, что следующее?..... Заставив себя отвлечься от самоанализа, я углубилась в учебник по финансовому праву. Я почти заканчивала разбирать тему, когда мне сжали плечи и начали поглаживать и массировать:

— Ты довольна? У тебя есть всё необходимое?

Мне никак не удавалось сбросить оцепенение. Наверно нужно хоть кивнуть в ответ, но тело отказывалось слушаться.

— Так и не хочешь разговаривать?

Зверь отошел от меня и прилег на кровать, похлопав по ней рукой:

— Иди ко мне!

Ничего не меняется... Я разделась, легла и закрыла глаза. Говорят — за всё в жизни нужно платить. За что платила я, никогда не имевшая сверхъестественных желаний, ничего не требовавшая? За что?

Мои размышления были прерваны тряской за плечи и криком — приказом:

— Открой глаза! Слышишь, открой!

Ты сам этого хотел... получай. Взмах ресниц, встреча взглядов и... **НЕНАВИСТЬ**...

Тебе так нравится купаться в ней, Зверь? Получай тогда свое удовлетворение... наслаждайся...

Мужчина отпрянул, сел на кровати, обхватив голову руками... выругался и... ушел...

Скатертью дорога... Не имея ни брата, ни отца, ни поклонника, я совершенно не разбиралась в мужской психологии, но интуитивно понимала, что совсем не это он хотел увидеть в моем взгляде. А что? Неужели он полагал, что я буду испытывать глубокую признательность за его поступки. Даже сломанную куклу, не всегда, возможно починить; я же человек. Стоит ли ожидать от надломленной, изувеченной и измученной души что-то иное? Не думаю... Ненависть выжигает все другие чувства. Это как лесной пожар. Остановить можно, но трудно... или поздно...

На следующее утро во время завтрака, вошли два громилы и представились — Влад и Олег, мои сопровождающие. Какие теперь красивые названия для тюремщиков придумывают... сопровождающие... куда сопровождающие?... в ад?...

Поскольку я уже была готова, то мы стали спускаться. У входных дверей меня ожидал Зверь:

— Надеюсь на твоё благоразумие. Прежде чем сделать глупость подумай чем это может тебе грозить.

Напутственная речь коменданта концлагеря. Я опустила ресницы и кивнула, в знак того что поняла и осознала его прочувствованную речь. Мне сунули в руки бумажку и освободили дорогу. Уже в машине развернув листок, моему удивлению не было предела. Это была справка от врача, заверяющего, что всё это время я провела в инфекционном отделении с вирусной пневманией. Обезопасился... но... спасибо. Спасибо за решение этой проблемы.

Меня доставили к входным дверям и отконвоировали в деканат, где я предъявила справку. Бумажка всех устроила, на мою новую внешность поглазели с неодобрением, и отправили восвояси с напутствием — учиться как раньше. Пронесло! Гораздо хуже обстояли дела с однокурсниками. Представляете, какие у них были глаза, когда в аудиторию завалился один из моих 'сопровождающих', удостоверился, что запасного выхода нет, с четвертого этажа прыгать высоко и люков в полу не предусмотрено. Опосля этой проверки, меня сопроводили на место. Но и это ещё не всё — Олег засел на галерке, Вадим караулил дверь.

Полный улет... хотя я ошиблась. Полным он стал, когда пришел профессор и, успокоил студентов тем, что поскольку я невеста очень влиятельного лица, то то это необходимость, на которую не следует обращать внимания... Я?КТО? НЕВЕСТА? ОН ОБАЛДЕЛ? ПОСЛЕ ВСЕГО, ЕЩЁ И ЭТО НА МОЮ ГОЛОВУ! Изощренное издевательство. Это я тоже записала на свой счет

к нему. Так прошел весь учебный день, меня водили под конвоем из класса в класс, на обед отвезли в ресторан и никого близко не подпускали. На мой вопрос 'Почему?', меня поставили в известность о инструкции, предусматривавшей близкое общение с тремя объектами, как то мама, Марина и Оля, моя подруга с параллельного курса. Весело, весело, весело живем... В виду моего долгого отсутствия, профессура нагрузила меня пропущенным материалом, со сроком сдачи в две недели. Скучать было некогда. Дни шли за днями... я примерно училась под охраной, зарывалась в учебники в своей комфортабельной 'камере', иногда звонила маме и Маринке. Зверь приходил, но вел себя более чем странно... иногда просто молча рассматривал и уходил, иногда я просыпалась среди ночи от его рук, обнимающих меня, иногда он набрасывался, но всегда старался не причинять мне боли... Это неровное поведение настораживало и пугало... Я попрежнему молчала... Зверя это бесило, доводило до приступов ярости. После очередной неудавшейся попытки меня разговорить, он крушил всё подряд в бессильной злобе, а я торжествовала. Это была моя маленькая месть. У Зверя было имя. Павел Александрович Соболевский — 'владелец заводов, газет, пароходов...миллионер', 31 года... Охранники просветили. Но для меня он был и оставался Зверем.

После сдачи 'хвостов', я пристала к профессору кафедры иностранных языков, с просьбой подкинуть мне ещё переводов. Виктор Андреевич безумно удивился:

— Деточка, зачем тебе подработка? Не думаю, что твой будущий муж отказывает тебе в чем-то.

'Будущий муж'..... Меня аж передернуло... Естественно, Зверь не отказывал, ему же надо было купить меня. Очень часто, возвращаясь домой, мое сопровождение интересовалось — желаю ли посетить бутик, ювелирку и так далее... Я не желала, никогда... Это было омерзительно, я не хотела превращаться в содержанку, не хотела его подачек в виде подарков. К сожалению, я не могла отказаться от шмоток, они были частью нашей сделки, но всё остальное туда не входило. У меня было немного денег — выдали стипендию и рассчитались за последние переводы, к тому же я взяла новые заказы. Я отдавала 'финансы' Маринке, а она в свою очередь снабжала меня пирожками и бутербродами из нашей столовки, или приносила что-то домашнее. Я отказалась ходить в рестораны в перерыв и перестала есть в 'тюрьме'. Глупо? Может быть... Мне хотелось хоть в этом быть независимой от Зверя. Мне была необходима эта кроха автономности для сохранения самоуважения. К тому же мне казалось, что это лично моё дело, как и где я питаюсь. Я ошиблась... Во второй половине дня, когда я сидела над новым переводом, терзая техническую инструкцию к кофеварке и жуя пирожок с яблоком, в дверь влетел Зверь со словами:

— Мне сказали ты ничего не ешь. Что слу...

Тут он узрел меня с пирожком и замер, обозревая сию дивную картину. Было очень трудно не подавиться под его пристальным взглядом, но я блестяще справилась с этой задачей и мужественно прожевала откушенный кусок, разглядывая 'соляной столп', украсивший мой интерьер. Наконец, мужчина отмер, подошел к окну и стоя ко мне спиной, тихо спросил:

— Тебе так противно что-то принимать от меня? Что ты хочешь? Чего тебе не хватает? Не молчи... Объясни мне, я не понимаю...

Я задумалась. Как растолковать человеку, поступившему со мною так по-скотски, чего мне не хватает... Мне себя прежней не хватает, своей жизни, своей свободы... как же живут в его мире, если он не понимает ЧТО он сделал, или деньги — это единственное мерило всех жизненных ценностей, а чувства — никому не нужный мусор... как можно рассказать глухому о пении соловья?... слепому о свете солнца? Они поймут по своему, но будет ли это истиной? Я молчала, а Зверь ждал, потом не выдержав переспросил:

— Что тебе не хватает?

Я решилась:

— Жизни...

Не могу сказать однозначно, понял ли он о чем я... если и понял, то не показал этого... моя дверь опять пострадала... пожав плечами, я вернулась к переводу.

На следующий день начались 'чудеса в решете', в смысле они сыпались на мою бедную голову одно за другим... Во-первых, в мою комнату с утра заволокли мини-холодильник, микроволновку и кофеварку... Олег сообщил, что мне велели передать, чтобы я не лопала свои пирожки холодными и всухомятку. Какие мы добрые...а плитку он мне не хочет подключить? Я бы супчик сварганила... Во-вторых, мои сопровождающие не последовали за мной в аудиторию. Честно говоря, я не придавала этому особого значения; мелькнула мысль о тяжести восприятия объема знаний на объем мозга и исчезла. Впервые за долгое время, не играя в шпионские игры, я смогла нормально пообщаться с окружающими. Марина, закинув мне в сумку очередную порцию пирожков, прошептала:

— Что случилось то? Где твои человекообразные гаврилы?

— Если бы я знала. Меня сегодня 'осчастливили' целым набором кухонного оборудования, в целях избежания гастрита и язвы. Я голову уже сломала с чего он такой добренький стал.

Маринка задумалась и выдала:

— Слышь...а может он за тобой ухаживает? Ну типа прощения попросить хочет?

Я уставилась на неё, как на умалишенную:

— Кто? Он? Прощение? Зафигом оно ему? Всё что ему от меня надо, он уже поимел.

Тут в аудиторию вошел преподаватель и нам пришлось заткнуться. После окончания лекций, вывалившись наружу, я узрела женскую половину курса, кучкующуюся отдельно и разглядывавшую... Зверя с шикарным букетом роз. Чтобы это значило? Маринка пихнула меня локтем под ребра:

— Я тебе говорила!

А если и так, что это меняет? Он не вызывает у меня никаких положительных эмоций, совсем. И этот 'красивый' жест ещё больше раздражает: человек даже не удосужился узнать — какие цветы я люблю. Обычный штамп — розы и чем больше, тем лучше — не срабатывал. Розы были единственными цветами, запах которых я катастрофически не выносила, до тошноты... плюс красный цвет. Углядев меня, Зверь отлепился от стены и сверкая улыбкой, приблизился и всучил мне свой роскошный 'веник':

— Привет! А я тебя жду...

Кто бы сомневался... Меня терзали две вещи: первая — сомнение в том, имеет ли право воспитанная девушка устроить скандал, и вторая- жгучее желание похавозить ему этим букетом по наглой физиономии. Желание уже начало побеждать, когда рядом раздался голос Оксаны:

— Привет, Элана. Это твой друг? Познакомишь?

Да с удовольствием... Может заграбастаешь его и у меня начнется нормальная жизнь... Я уже открывала рот, но меня опередили, по-хозяйски притиснув к себе:

— Простите мне мою невежливость, девушки. Меня зовут Павел и я жених Эланы. Мы собирались посидеть в кафе, и думаю моя невеста не будет против, если вы составите нам компанию. Ведь так, дорогая?

Мне оставалось только скрежетать зубами. Устроить сцену я не могла, кто знал какие за этим последуют репрессии, но и сопровождать его в качестве 'невесты' при присутствии кучи знакомых, восторга не вызывало. Я повернулась к Маринке, восторженно рассматривающей этого мачо:

— Если ты меня сейчас бросишь, я обижусь.

Она с трудом оторвала от него взгляд, сфокусировалась на мне, и кивнула в знак согласия. Что они в нем находят? Это тотальное восхищение жутко действовало на нервы. Сильно хотелось выложить всю подноготную и посмотреть будут ли они потом так на него реагировать... Что-то мне подсказывало что да, будут... Маринка вон знает и все равно балдеет. Видно пока не прочувствуешь, не поймешь. Зверь выпросил девчонок о ближайшем приличном кафе и потащил меня на 'галгофу'. Как я его ненавижу!!!!!! Прямо весь из себя такой белый и пушистый... волк в шкуре ягненка... меня тошнит от его игры на публику... сюсюсю.....тютютю..... бэээээ. Сама невинность, только меня поближе подтаскивает: то обнимет, то поцелует, то волосы поправит... пришло осознание понятия 'кровожадность'. Уже не выдерживая, цепляю Маринку, и несусь в сторону дамской комнаты:

— Маринка, ты предательница. Что ты так на него рот открыла? Ладно, остальные не в курсе, но ты то...

Марина смущенно опускает глаза:

— Но ты же не говорила какой он красивый и обаятельный.....

Я перебиваю:

— И что это меняет? Хочешь сказать, если бы он был похож на 'квазимодо' ты бы клеймила его позором как и раньше, а так как он красавчик, то можно и забыть? Ты думаешь от лицемерия его физиономии, мне легче становится? Я каждое прикосновение с трудом выношу! Мне заорать хочется или завывать! Я не могу, понимаешь ты это, не могу вычеркнуть из памяти всю боль и унижения, испытанные по его милости! Показуху устроил, нейдет ему! Мало что тело испоганил, до души свои ручонки тянет!

Маринка попыталась меня успокоить:

— Может он раскаивается? Просто не знает как сказать?

Ей Богу, у меня сейчас от ярости крышу сорвет:

— Раскаивается? Да он не знает что это такое! Пойми — он Зверь! Для него существуют только его потребности! Принцип 'Хочу-Возьму'! Я не сдамся!

Я вылетела из туалета, как пробка из бутылки шампанского, и тут же угодила к нему в руки.

— С тобой всё в порядке?

Ой какие мы чуткие и заботливые... Где всё это раньше было, когда ты меня силком раскладывал? Тебя что-то несильно интересовало всё ли со мной в порядке!

Молча выкрутившись из его рук, я прошествовала обратно к столику. Через пару минут ко мне присоединился мой 'жених' и 'опять двадцать пять'... Меня распирало от желания заорать на всё кафе чтобы он прекратил меня трогать. Моё самообладание грозило сделать мне ручкой в любой момент. За столиком смеялись, шутили, спорили...я не слышала, я ждала когда эта пытка закончится и я останусь одна. Слава Богу, меня не сильно вовлекали в разговор: Зверь, видимо, было достаточно лапания, а девчонки старались произвести на него впечатление. Любой из них я бы презентовала его с радостью. Наконец, настал, счастливый для меня, момент прощания. 'Обаяшка' сообщил всем, как он рад..... и что это не в последний раз... Спаси меня Боже от этого... После бесконечных заявлений с обеих сторон, мы всё же оказались на улице. Машины поблизости не наблюдалось, выглядело это более чем странно... Вечер был прохладный и я поежилась, на моих плечах оказалась легкая летняя куртка:

— Замерзла?

Зверь развернул меня к себе и прижал:

— Не хочешь прогуляться? Я отпустил машину, они будут ждать у моста.

У меня мозги вскипели. Ну где последовательность действий? Зачем спрашивать, если уже всё решил? Для проформы? Считаю, что я 'оценила'. Мы шли по темным, тихим улицам, освещенным луной, он приобнимал меня за плечи и что-то рассказывал. Я не слушала, стараясь сдерживать слезы. Меня душила обида... Я так мечтала когда-то о такой прогулке с влюбленным юношей... Это не справедливо! Не ОН должен быть рядом, не это чудовище... Зверь замолчал только в машине, но по прежнему не отпускал меня от себя. Так мы и доехали... молча... Возле дома, он помог мне выйти:

— Спокойной ночи!

Уже поднимаясь по лестнице наверх, я увидела в окно как он стоит и курит. Никогда не видела его с сигаретой и табаком не пахло... Какая мне разница курит или нет? Никакой.

Зверь не пришел... он вообще больше не приходил по ночам, зато каждый день встречал после занятий и куда-то волок: кафе, кинотеатр, музей, парк... Дни слились в непрекращающийся кошмар..... Ночью его присутствие хотя бы не было таким долговременным. Мало того, Зверь обаял мою маму, когда она приехала на пару дней. Мама обнимала меня и рассказывала как она счастлива... и он такой внимательный, такой заботливый... а я ревела в ванной от бессилия и невозможности объяснить.....

Начались летние каникулы, я загрузилась переводами и просиживала целыми днями в саду или в комнате, стараясь не высовываться в город. Тогда Зверь поставил в моей комнате ещё один стол и пока я делала перевод, он занимался своими делами. Он преследовал меня везде...исключая те моменты, когда ему нужно было уезжать по делам или к нему кто-то наведывался. Его постоянное присутствие сводило с ума. Я жила как на вулкане, не зная чего ожидать в следующий момент. Что за игру он затеял? Его поведение ставило в тупик. Такое ощущение, что он не замечал моего отношения ко всему этому. Может у него не всё в порядке с психикой? Как может полноценно здоровый человек читать тебе вслух книгу или газету и пытаться с тобой это обсудить, прекрасно зная что ты его ненавидишь? За всё это время Зверь лишь единожды вышел из себя, это случилось после очередной попытки меня разговорить. Я

пребывала как всегда в своих мыслях, когда услышала:

— Посмотри на меня.

Я перевела взгляд на его лицо. Он злился и злился сильно, об этом свидетельствовали перекатывающиеся желваки на щеках, плотно стиснутые губы.

— Что я ещё должен сделать? Сколько ты ещё будешь молчать и игнорировать меня?

Я смотрела ему в глаза. Зачем ты спрашиваешь? Ты же знаешь ЧТО я хочу больше всего на свете. Я хочу свободу... свободу от тебя.

— Отпусти меня.

Его руки сжались в кулаки:

— НЕТ! Это не обсуждается!

Что ж не обсуждается, значит не обсуждается... Я отвернулась. Меня выдернули из кресла и поцеловали. Поцелуй был настойчивый, жестокий и ищущий... Так и не дождавшись от меня ответной реакции, Зверь отстранился и вышел из комнаты. Бедная дверь... Назавтра, он куда-то уехал, его не было около недели, но и вернувшись он не заходил ко мне...

Ночью я проснулась от шума. Первая мысль — опять буянит.....но шум был очень странный, как — будто кто-то включил телевизор на полную мощность и смотрел боевик. Я поворочалась и, поняв что не усну, решила спросить у охраны о происходящем... Подошла к двери, выглянула... невероятно — никого нет...куда все делись... Я уже спускалась по лестнице, когда услышала незнакомый голос:

— Ждите меня во дворе в машине, мне нужно закончить одно дельце.

Раздался топот ног... несколько человек... все стихло... У подножия лестницы что-то темнело... Олег... мертвый... Я зажала рот ладонью, чтобы не закричать. ЧТО ЗДЕСЬ ПРОИСХОДИТ? Чуть подальше лежал Вадим... я нагнулась над ним... не дышит... рядом с телом пистолет... Что на меня нашло? Почему я взяла оружие, абсолютно не представляя как с ним обращаться. Нет, я, конечно, знала, чисто теоретически по фильмам, о наличии курка и предохранителя, с которого нужно снимать... У меня явно переключилось в мозгах, как иначе можно объяснить то, что я не спряталась или хотя бы позвонила в милицию, я потащилась дальше, услышав голоса в кабинете. Около кабинета была ниша, стоя в которой можно было видеть практически всё, при этом оставаясь незаметной. Там я и притаилась. Внутри, на полу лицом к двери, сидел Зверь, зажимая плечо, на пальцах и футболке красное... КРОВЬ!...спиной ко мне стоял блондин с пистолетом и что-то требовал:

— У тебя нет выхода — подписывай или я сначала прострелю тебе ногу, следом другую. Я буду дырявить твою шкуру пока не подпишешь.

Тихий голос Зверя:

— Надеешься меня запугать? Не старайся....

— Не хочешь значит подписывать? Тогда я сейчас приволоку сюда твою сучку и отымею у тебя на виду. Она же здесь? По глазам вижу, что здесь. Ты её от себя не отпускаешь.

— Отпусти её и я подпишу бумаги.

— Ты и так подпишешь. Ты же не хочешь чтоб она сдохла.

— Я сказал, я подпишу бумаги, только если она будет в безопасности. Я вызову машину, ты выведешь её за ворота, когда они отзвонятся — я подпишу.

— Не считай меня дураком, подписывай и я оставлю ей жизнь... если твоя шлюшка хорошо меня об этом попросит...

У меня потемнело в глазах... ОПЯТЬ!!! НЕТ!!! Ярость... отымею... ненависть... шлюшка... **НЕНАВИСТЬ!** Я вышла из ниши, ковер заглушил мои шаги и встала за спину блондину... подняла пистолет, на уровень его головы и нажала на курок.

— НИКТО БОЛЬШЕ НЕ СДЕЛАЕТ ЭТОГО СО МНОЙ! НИКТО! НИКОГДА!

Перешагнув через упавшего блондина, подошла к Зверю. У меня был шанс убить и его, решив разом все проблемы... я стояла и смотрела на мужчину, изломавшего мою жизнь ради прихоти и сегодня пытавшегося сберечь её ценой своей жизни... я не смогла... не смогла второй раз нажать на курок... не понимаю... я убила человека ТОЛЬКО угрожавшего мне насильем, и не могу убить настоящего виновника... не могу... я опустила руку с оружием... сгребла со стола телефон и протянула ему:

— Звони. Во дворе несколько человек.

Я не знаю — куда он звонил и что говорил, наступило состояние оцепенения, сознание заволочло туманом... это всё не могло происходить со мной... просто не могло. Мозг отстраненно фиксировал события... Зверь закончил разговор и откинулся назад, облакачиваясь на стену... кровавое пятно на белой футболке увеличилось. Действуя больше на автомате чем соображая, я сдернула с окна тюль, подошла, встала рядом на колени, протянула ему пистолет и стала зажимать рану, стараясь, по возможности, остановить или замедлить кровотечение.

— Почему ты не выстрелила?

Я смотрела в его лицо и... не знала ответа. Действительно, почему?

— Я не хочу потом всю жизнь провести в бегах. Это достаточно веская причина?

Вскоре раздался шум, крики и выстрелы во дворе, кто-то загрохотал по лестнице, кабинет наполнился людьми, меня оттеснили двое в белых халатах. Я встала и пошла к себе... на середине подъема, мозг переварил информацию и выдал — я убийца... подкатила тошнота... я с трудом поползла до туалета, тело била дрожь и скручивали судороги, в мозгах стучала одна мысль: убийца, убийца, убийца... началась истерика... я оказалась на кровати... меня обняли сильные руки:

— Успокойся, котенок, всё позади...

Укол и темнота...

Я очнулась от голосов рядом:

— Почему она так долго не приходит в себя?

— Ничего страшного, это последствия перенесенного стресса. Всё что ей нужно — покой.

Кстати, моя пациентка уже в сознании.

Надо мной склонился пожилой мужчина:

— Как Вы себя чувствуете?

Ответ дался мне с трудом, такое ощущение что всё онемело:

— Слабость...

— Не беспокойтесь — это из-за лекарств, скоро пройдет. Ваш муж имеет все мои предписания.

Муж? Когда же это всё кончится? Сколько мне ещё мучиться?

Я закрыла глаза. Доктор и Зверь о чем-то поговорили минут пять и врач ушел. Кровать прогнулась, значит Зверь рядом.

— Элана, ты меня слышишь? Не волнуйся, всё закончилось.

Боже, дай мне силы... Я попыталась привстать, мне помогли. Я смотрела на него:

— Что всё? Я — убийца! Моё место в тюрьме!

— Это самозащита. Милиция уже была, они согласны что ты стреляла с целью спасти свою и мою жизнь. Успокойся, тюрьмы не будет. Какое-то время продлится следствие и дело закроют, мои адвокаты этим уже занимаются.

Деньги покупают всё... даже совесть. А мне как жить дальше с кровью на руках? Как мне вообще жить дальше?

— Прошу тебя — не молчи. Поговори со мной.

— О чем?

— О чем хочешь.

Зверь неловко повернулся и поморщился.

— Как твое плечо?

— Ничего страшного — пуля прошла навылет, серьезных повреждений нет. До свадьбы заживет.

Свадьба... Меня передернуло. Заметил, помрачнел:

— Ты по-прежнему ненавидишь меня?

Что ответить тебе? В моей голове всё перемешалось. Какие чувства я к нему испытываю? Я сказала правду:

— Я не знаю.... что-то изменилось внутри после... выстрела...

Зверь поднес мою руку к губам и поцеловал каждый палец:

— Сможешь ли ты меня простить когда-нибудь?

Я повторила:

— Я не знаю, я уже ничего не знаю... может быть, со временем...не знаю, не уверена... нет... Ты отпустишь меня?

— Я не могу.

Он помолчал:

— Выходи за меня замуж и я дам тебе год на раздумье.

— А потом?

— Если ничего не изменится, я соглашусь на развод и исчезну из твоей жизни. Я обещаю. Но я так же обещаю, что буду использовать каждую возможность чтобы этого не произошло.

— У меня нет другого выхода?

— Нет.

— Хорошо... но с одним условием — ты не будешь прикасаться ко мне, если я того не захочу.

Зверь смотрел мне в глаза и молчал, очень долго молчал.

— Согласен.

Мы заключили новую сделку.

Я сидела на подоконнике, как всегда — это превратилось в привычку. Завтра моя свадьба... Миллионы девушек переживают в этот день волнение, радость, иногда тревогу, но вряд ли многие из них испытывают полнейшие равнодушие. Это чувство прочно заняло жизненное пространство внутри меня. Мне было абсолютно всё равно или проще говоря 'до лампочки'. Девчонки таскали меня по салонам, сначала, в поисках платья, потом на примерки. Мама суетилась и организовывала прием, уточняла списки гостей. Что-то покупалось, примерялось, заказывалось. Я не вникала. События проходили мимо, не задевая, не откладываясь в голове. Я посещала занятия и не помнила о чем была лекция. Меня вызывал следователь, я не помнила о чем он спрашивал, помню только поздравления по поводу закрытия дела. Моя депрессия затянулась... меня пытались расшевелить, меня это не трогало... тогда появился психолог Александр Иванович, приходивший ко мне через день. Спасибо ему, он вытащил меня из этого омута, затягивавшего и не отпускавшего. Шаг за шагом мы проходили ситуацию, рассматривали её, складывали, как кубики. У меня не было другого выхода: или моя жизнь или жизнь блондина. Я сумела принять и простить себя, преодолеть гнетущее чувство вины, но вслед за этим пришла другая мысль, ужасающая для меня в своей правде: если я смогла лишиться другого человека жизни и простить себя, почему в таком случае не простить Зверя? В чем между нами разница? Если Бог прощает, могу ли я быть выше Бога? Я запуталась и замкнулась. Я не могу или не хочу простить? А если могу, то хочу ли? Мне по-прежнему были неприятны его прикосновения, в большинстве своем случайные. Зверь не хотел рисковать и выполнял наш договор. Но что странно, моя ненависть утихла, нет она изредка поднимала свою голову. Но всё реже и реже... Но я как и раньше хотела быть свободной от него и завтра начинался отсчет дней до этой свободы.....

Регистрация была назначена на три часа дня, и с раннего утра меня одевали, причесывали, красили. Меня жутко раздражала эта суета, какая в сущности разница в чем идти и как

выглядеть чтобы поставить одну закорючку. Если бы не присутствие мамы, счастливо утиравшей украдкой слезы, я давно бы остановила этот фарс. Наконец, я была готова, всеми одобрена и допущена к счастливому 'жениху', вручившему мне букет из ромашек. Неужели узнал? Мама, наверно, сказала о ромашках. я с детства люблю эти цветы — 'солнышко в облачке'. Оторвавшись от созерцания букета и воспоминаний, я перевела взгляд на Зверя:

— Спасибо.

Он чуть-чуть расслабился и предложил мне руку, для сопровождения в лимузин. Я приняла, но никак не могла разобраться у кого дрожат пальцы, у меня или у него. Впрочем, это не важно. Прошестввав до лимузина, умудрившись ни разу не наступить на подол и не оторвать шлейф, я была туда торжественно и аккуратно упакована. Со мной ехала только Маринка в качестве свидетельницы. Во второй машине — 'жених' и свидетель, следом весь остальной кортеж. Помпезно до тошноты. Мы выруливали с одной трассы на другую, когда раздался визг Маринки. Она орала и тыкала пальцем в окно. я повернула голову... на нас с огромной скоростью несся 'КАМАЗ'. Вот и всё... я закрыла глаза. Удар. Боль. Беспамятство... Я уже не видела как бежали к машине люди... как вынимали через окно Марину, отделавшуюся испугом и ушибами... как обезумевший Зверь ломал заклинившие двери, пытаясь достать меня... как он держал меня на руках, пытаясь найти пульс... как кричал от радости: 'Спасибо Господи, она живая!'... как гнал машину в больницу, потому что 'Скорая' застряла в дороге... как увозили меня в реанимацию... как он держал мою маму за плечи и твердил как заклинание, что всё будет хорошо... Я не видела... я умерла на операционном столе от наркоза... анафилактический шок...

Суетились и бегали врачи... увозили маму с сердечным приступом... выл в коридоре Зверь... я уходила...

Не оставляй меня или возьми с собой... Впереди меня свет...

Я НЕ ОТПУСКАЮ ТЕБЯ!!!

Натяжение нити... рывок... я вернулась...

В мозгу появилась первая связная мысль... С трудом разлепив пересохшие губы, я попросила:

— Пить...

Мою голову приподняли и поднесли ко рту трубочку от поилки. Я скосила глаза:

— Мама...

— С возвращением доченька.

Она присела рядом на постели и взяла за руку:

— Как же ты нас напугала.

Я подозрительно уставилась на маму, с целью установления, кто входит в местоимение 'мы', но, вместо этого, заметила на ней халат:

— Мам, что случилось? Почему ты в больничном халате?

— Не волнуйся, уже всё прошло, сердечко немного прихватило. Ты мне лучше скажи, как ты

себя чувствуешь.

Я честно попыталась понять хоть что-то в своих ощущениях:

— Болит всё... Голова больше... остальное терпимо.

— Слава Богу, врачи говорят — скоро поправишься. Водитель, что в вашу машину въехал, пьяный был, с управлением не справился, занесло его, хорошо боком задел. Сидела бы ты с другой стороны, тоже как Марина синяками бы отделалась, а так... легкое сотрясение мозга, синяков много, царапины, порезы, из них два глубоких — один на плече, другой рядом с 'сонной' артерией. Кровотечение сильное было, если бы Паша тебя в больницу сам не повез...

Мама всхлипнула:

— Тебя когда зашивать повезли, наркоз вкололи... у тебя реакция началась... сердце остановилось. Кто ж знал о таком... Ты никогда ничем серьезным не болела...

'Зато сейчас наверстываю... '

Я потянулась к маме:

— Не плачь...

— Ох, доченька... мы же думали всё... не хотела ты возвращаться... врачи к нам с бумагами на подпись пришли за разрешением — грудную клетку вскрыть для прямой стимуляции... правда, говорили вряд ли поможет. Павел в операционную кинулся, тебя трясет, зовет, уговаривает, потом как рывкнет 'Я НЕ ОТПУСКАЮ ТЕБЯ!!!' и у тебя пульс пробился. Ты услышала что ли?

'Нет, это у меня рефлекс, как у собачек Павлова, на его присутствие... Павлова — Павел... '

— Тут уже нас в коридор отправили, врачи сами тобой занимались... Я Паше за твою жизнь так благодарна... если б не он...

'Если б не он, меня бы там вообще не было...'

Я прикрыла глаза, стараясь не выдать своего отношения. Не хватало ещё чтобы мама что-то заподозрила... Меня погладили по голове и поцеловали:

— Спи, моё солнышко, выздоравливай, я приду завтра...

Последние слова я слышала в полусне. Второй раз я очнулась уже в темноте, тускло светил только маленький ночник у входа, но и этого хватило увидеть Зверя, дремлющего рядом в кресле. В глаза сразу бросилась его усталость — осунувшееся лицо, темные круги вокруг глаз, щетина... Я рассматривала мужчину, ставшего причиной всех моих бед, и никак не могла определить какие чувства я к нему испытываю. В голове царил полная мешанина. Что же ты хочешь от меня? Зачем тебе всё это нужно? Я не заметила, как произнесла последнюю фразу вслух. Зверь проснулся и подался ко мне:

— Как ты себя чувствуешь?

Я упрямо повторила:

— Зачем тебе это нужно?

Он сгорбился, сжал руки 'в замок', облокотив на колени, поймал мой взгляд:

— Я люблю тебя... Люблю безумно, страстно и безнадежно. Ты моя жизнь, мой воздух, моя вселенная, моё счастье и моё проклятие. Я никогда не думал, что любовь может быть такой всепоглощающей. В этом мире нет ничего, чтобы я не сделал для тебя и ради тебя... если бы ты только позволила... но тебе ничего не нужно от меня...

Зверь горько усмехнулся:

— Кто-то там, наверху, знает как наказать... Мне подарили личный, персональный ад, не прекращающийся ни на секунду, сжигающий меня изнутри. Я осужден боготворить женщину, ненавидящую меня и осознавать, что виноват в этом только я сам. Каждодневная, мучительная попытка быть рядом с тобой и не сметь прикоснуться, видеть в твоих глазах ненависть, чувствовать твоё отвращение и не иметь сил от этого отказаться, потому что без тебя ещё хуже...

Голос прервался... молчание и:

— За всё время ты ни разу не произнесла моего имени, но как-то же ты называешь меня. Как? Скажи мне...

Я тихо прошептала:

— Зверь.

Его лицо исказилось судорогой боли, он запустил пальцы в волосы, склонив голову и простонал:

— Зверь...

И вдруг, неуловимым, быстрым движением оказался на коленях, рядом с кроватью:

— Прошу тебя, дай мне хоть один шанс, одну попытку вымолить твоё прощение... Позволь мне быть рядом с тобой, не прогоняй... Прошу тебя...

Я смотрела на него, стоявшего на коленях, и мучилась сомнением. Неужели я такая жестокая, что не могу дать ему шанс. Да что со мной? Как пережив столько сама, я так спокойно обрекаю другого на боль, пусть даже это Зверь. Его поступок чудовищен, но стоит ли жить одними воспоминаниями о прошлом? Стоит ли разрушать свою жизнь, купаясь в ненависти, невоспринимая ничего больше? Невозможно жить, не прощая. Что есть прощение? Умение ли это изгонять из своей души ненависть и гнев? Или это избавление от желания причинить боль себе и другим? Или способность начать всё с 'чистого листа'? Я совсем расклеилась и заплакала.

Зверь заметил и встревожился:

— Что случилось? Где больно?

Он протянул руку, чтобы вытереть мои слезы, и... отдернул её.

Стало ещё обиднее, потому что виноват был он, а сволочью себя чувствовала я, и это было, с моей точки зрения, несправедливо по отношению ко мне, а жалко было его... Я запуталась. Запуталась в себе, в нём... но и оставить всё так, как есть было нельзя. Я подумала о том, что

давая шанс ему, я открываю и для себя возможность начать жить нормально. Решившись, я коснулась его руки:

— Я могу попытаться... попробовать простить...

Теплые ладони сжались вокруг моего запястья и тихий голос:

— Большого не прошу...

В первый раз за долгое время, я чувствовала себя спокойно. У меня не было уверенности в успешном окончании моей попытки, но была уверенность что я поступаю правильно. Засыпая, я вдруг вспомнила:

— Поскольку до ЗАГСа мы так и не доехали, что с договором делать будем?

Какая у него странная реакция... даже спать расхотелось. Судя по его виноватому выражению лица, здесь опять 'засада':

— Может скажешь что случилось?

Ответ подтверждает опасения:

— Ты понимаешь... нас расписали... без нас.

И без его участия в этом, разумеется... 'без меня, меня женили'. На меня накатила смех и я еле выдавила:

— Ты аферист! Но учти — отсчет начался...

И вдруг видя изумленные глаза, до меня дошло, что он в первый раз видит как я смеюсь. Пора попробовать жить нормально...

Тут прискакала медсестра, повертелась перед Зверем, сделала мне укол и вскоре глаза закрылись сами собой. Проваливаясь в сон, я почувствовала как мою руку приподняли и поцеловали:

— Спокойной ночи.

Разбудила меня мама:

— Вставай, соня, день на дворе.

Во время моего умывания и завтрака, в мою палату под разными предлогами, зашли или заглянули минимум пятнадцать медсестричек. Мне не жалко, но хотелось бы знать причину этого паломничества:

— Мам, у меня точно всё в порядке? Что они меня разглядывают?

На это мне спокойно ответили:

— Наверно, они никак не могут понять — что такой мужчина, как Павел, нашел в такой вредной и бессердечной девчонке, как ты.

Приплыли называется. Я же ещё и виновата. Обидно до слез:

— Ты просто всего не знаешь...

И окончательно обалдела от услышанного:

— Знаю, Павел рассказал.

Что он сделал? Рассказал? Зачем? Я осторожно поинтересовалась:

— Что он тебе рассказал?

— Всё то, что ты не пожелала сообщить родной матери. И я понять не могу, почему ты настолько не доверяешь мне? Разве я когда-нибудь, давала тебе повод сомневаться в своей любви и поддержке?

Я захлопала глазами:

— Ты так спокойно к этому относишься?

Мама вздохнула:

— А как по-твоему я должна относиться к человеку, дважды спасшему жизнь моей единственной дочери и вдобавок нашедшего мужество признаться в содеянном. К тому же он тебя любит. Поверь, я не ищущу ему оправданий и всегда буду на твоей стороне. Но мне очень не нравится твоё состояние, по-моему ты слишком себя зажалелась и по уши погрязла в обидах. Может быть уже пора повзрослеть и попытаться научиться прощать?

Я, ни в коем случае, не заставляю тебя любить Павла насильно, просто прошу, ради тебя самой, отпусти свою обиду и ненависть, не позволяй им искалечить твою жизнь и не решай ничего не обдумав, как следует. А теперь я бы хотела узнать причину, по которой ты всё скрыла от меня.

Стыдно, не то слово:

— Я не хотела тебя волновать. Думала сама разберусь.

— Разобралась?

— Нет. Всё так запуталось.

— Тогда не торопись, не руби с плеча...

Наш разговор прервала, ворвавшаяся как ураган, Маринка:

— Всем привет!

Мама улыбнулась поцеловала меня и пообещала придти завтра. Дверь за ней ещё не захлопнулась, а Марина уже демонстрировала свои 'боевые ранения'. Я ехидно поинтересовалась:

— А моё самочувствие тебя не волнует?

Подружка махнула на меня рукой:

— Я и так про него всё знаю в мельчайших подробностях от твоей мамы и мужа...

— Кого?

— Ты совсем отмороженная? Павла.

— Марин, а с каких это пор он стал для тебя Павлом?

Она скривила рожицу:

— Эланка, может хватит? Клевый мужик, тебя любит аж завидки берут.

И ты Брут... я впала в философию...

Не обратив ни малейшего внимания на моё состояние, подружка продолжала стрекотать, как сорока:

— Представляешь, я уже два раза с Андреем встречалась. По-моему я ему нравлюсь. Как ты думаешь?

Нашла у кого спрашивать, я у себя под носом очевидного не вижу, а уж отношения других разбираться, упаси Господи.

— А кто такой Андрей?

— Да свидетель твой. Ой, он меня до больницы сопровождал и там ждал, а потом домой отвез и сейчас опять снаружи ждет. Так я пошла?

Прослушав её монолог, выданный на одном дыхании, я кивнула:

— Иди.

Маринка убежала к своему Андрею, а ко мне прибежали мои мысли. Хорошенько всё обдумав и вспомнив советы и уроки Александра Ивановича, я примерно представляла Что мне нужно сделать, но пока совершенно не представляла КАК. Для решения этого КАК мне были нужны время и помощники, и ещё свобода передвижений. Когда пришел Зверь, мой план почти оформился и я преступила к 'военным' действиям.

Оглядев своего мужа и придя к выводу, что выглядит он получше чем вчера — посвежел, побрился, но смотрит как-то неуверенно. Понятно, у него такая же проблема — Как себя вести в этой ситуации. Великодушно решаю придти на помощь:

— Проходи. Я сегодня не кусаюсь — у меня мораторий.

Дождавшись пока он сядет, я начала:

— Я бы хотела попросить тебя о нескольких вещах. Если можно, конечно.

Ой, как мы удивились и смутились. Сам же вчера об этом просил...

— Ты же знаешь, что я всё сделаю.

— Спасибо. Тогда: во-первых, я хочу домой и как можно быстрее.

Я что-то не то сказала? Почему у него вид, как-будто я его ударила? Дай-ка я уточню:

— Ты сейчас про какой дом подумал?

Он смотрит с очевидным непониманием:

— Про твою квартиру...

Аааа, тогда понятно... было бы не плохо, но в мой план X не укладывается:

— Мне вообще-то врач свежий воздух прописал и компьютер мне нужен, так что я имела ввиду твой дом, но если тебя это не устраивает...

Минута молчания... чью память чтим? Смотрит, поверить не может...

— Подожди минуту, я сейчас приду...

Вернулся он минут через двадцать:

— Твой лечащий врач говорит, если ты будешь следовать его предписаниям, принимать лекарство и приходить на прием, то можешь выписываться завтра. Но завтра, я не могу тебя забрать... Ты не обидишься, если я пришлю водителя? Мне просто после обеда и допоздна нужно быть в клубе...

— Ничего страшного... Только если разрешишь, я бы хотела маму на пару дней пригласить и девчонок...

Улыбается:

— Дом и машина в твоём полном распоряжении.

Замечательно. Завтра пятница, то что мне нужно. Что он спросил?

— Извини, я прослушала. Что?

— Я спросил: что-то ещё?

Да нет, всё и так складывается лучше чем я ожидала... хотя:

— Скажи, а где кольца?

Его изумлению нет предела... вытаскивает цепочку, на ней два кольца. Я протягиваю правую руку:

— Одевай.

Расстегивая цепочку и снимая кольца, он тихо спрашивает:

— Ты уверена?

Я ни в чем не уверена, но если не попробую, как буду знать.

— Ты же сказал, мы женаты. Женатые люди носят кольца. Одевай.

Муж становится на колени, берет мою руки, одевает кольцо и целует пальцы, поднимает голову и ждет:

— Где твоё?

Я одеваю ему кольцо. Дело сделано, отступить мне не куда, да я и не хочу. Обращаю внимание на кольца — у него простое, гладкое, а у меня из ромашек. Цветы из белого метала, в сердцевине желтый камень, по обоим сторонам кольца полоски с зелеными камнями. Красиво...

— Как ты узнал, что я люблю ромашки?

— У Марины спросил, когда увидел твою реакцию на розы.

Болтун — находка для шпиона...

— Ты не устала? Может спать ляжешь?

Хороший выход- разговаривать не надо и подумать можно... Согласно киваю, укладываюсь и засыпая, не забираю свою руку из его руки. Учусь не быть бессердечной, совершенствуюсь...

С утра у меня была куча дел, я дозвонилась до Маринки и Оли, сагитировав их на помощь, потом посоветовалась с мамой, вместе с ней собрала вещи, получила кучу бумажек от врача и погрузившись в машину, мы поехали забирать остальных. По дороге к Оле, её адрес был ближайшим, я вдруг увидела... Ангел меня любит, видимо, я правильно поступаю... Я попросила водителя:

— Остановитесь, пожалуйста... Мам, у тебя деньги есть?

Собрав всех, мы приехали. Стоя во дворе, мне пришла в голову мысль, что я соскучилась. Невероятно, здесь случилось столько всего и в основном плохого, а я соскучилась по саду, по своей комнате. Может у меня с мозгами проблемы? Кто его знает, как сотрясение влияет на умственную деятельность. На пороге нас встретила пожилая женщина:

— Здравствуйте, Я Тамара, ваша экономка. А Вы Элана Алексеевна?

Я улыбнулась:

— Можно просто Элана. Это моя мама — Елизавета Максимовна и мои подруги — Марина и Оля. А Вас как по отчеству? Вы покажите им спальни?

— Васильевна, я, да лучше Тамарой зовите. Пойдемте, пойдемте, провожу, всё готово.

Зайдя в свою комнату, первое что я увидела — ромашки, причем цветы были везде... море из ромашек... Приятно...

Чуть позднее, когда все собрались, мы стали готовиться... уговорив Тамару Васильевну нас не выдавать, в случае если хозяин позвонит, и отловив водителя, наша компания рванула в город. Уже устроившись за столиком, Маринка спросила:

— А если не получится?

Меня, конечно, тоже терзали сомнения, но решение было принято... и тут я увидела... Его — человека, навсегда изменившего мою жизнь... Он стоял, облокотившись одной рукой на перила, высокий, красивый, сильный, хищный и опасный. Я встала и пошла на встречу... он был удивлен, нет больше чем удивлен, поражен. Я была в том же клубе, в черном платье с

зелеными разводами и шла на встречу мужчине, которого уже не боялась.

Подойдя ближе, я сказала:

— Я хочу начать всё сначала, как-будто ничего не было и мы встретились сегодня.

Мужчина улыбнулся:

— Как Вас зовут, прекрасная незнакомка?

— Элана. А Вас?

— Павел.

— Очень приятно... Павел.

У меня получилось вернуться в прошлое и начать с 'чистого листа'. Теперь всё зависело от нас двоих...

Улыбки Павла хватило бы для освещения целого квартала, и у меня тут же мелькнула вредная мыслишка о том, как я ему сейчас кайф подпорчу. В самом же деле, нельзя вот так сразу кардинально измениться. Бритый ежик остается ежиком в любом случае, тем более есть ещё один невыясненный вопрос:

— Павел, одно 'но' — мне требуется время..... чтобы... ну для...

Язык не поворачивается. Как вообще такие вещи говорят?

Мне приходят на помощь:

— Ты имеешь ввиду физический контакт? Я правильно тебя понял?

Ну умеют же люди культурно выражаться. Где уж мне..... Киваю в знак согласия.

— Не беспокойся. Я буду ждать столько, сколько будет нужно.

Поживем — увидим...

— Пойдем к столику? Там мама, Марина и Оля ждут.

— Вы уже сделали заказ? Нет? Помнишь, что тебе спиртное нельзя?

Ах ну да, лекарства.....

— Давай сделаем так. Пока я найду Андрея, подожди меня у барной стойки, заодно выберешь себе напиток. Ты не против?

Возражений у меня не было и, сопроводив меня к бару, он исчез, предварительно сунув мне меню. Прочитав название клуба, я впала в ступор. Сверху перечня было вытеснено — ночной клуб 'Элана'. Было же другое название. Задаю вопрос бармену:

— Скажите, а когда клуб переименовали?

Позади меня раздался красивый, бархатный, мужской голос:

— С полгода как. И я не рекомендовал бы вам, юная леди, делать ставку на Павла. Он недавно женился и теперь на коротком поводке у жены.

Развернувшись на голос, я увидела симпатичного полноватого шатена с карими глазами. Он присвистнул:

— Спереди, юная леди, Вы ещё лучше. Так как насчет сменить партнера?

Я задумалась:

— Думаю, партнер будет против.

В это время вернулся Павел:

— Не знаю как партнер, а муж точно будет против. Привет, Валера. Ты сейчас нагло пристаешь к моей жене.

— Элана, позволь представить тебе Валерия Гурвича, моего друга и адвоката.

Пока Валера рассыпался в извинениях, подошел Андрей, невысокий русоволосый крепыш, и мы отправились к столику, где все перезнакомились и вечер продолжился. Впервые за долгое время мне было спокойно, я могла не ожидать каких-то неожиданностей, а просто получать удовольствие от общения. Наши мужчины были галантными и остроумными. Валера начал ухаживать за Олей, той очень нравилось такое внимание и она смущалась и краснела. За этот вечер я выяснила много интересного. Например, мне были неприятны прикосновения не только Павла, но и других мужчин, но если не заострять внимание на них, как на прелюдии к близости, то это чувство исчезало. Во-вторых, я заметила взгляды, какими большинство одиноких девушек одаривало моего мужа, это тоже наводило на определенные размышления. И в третьих, я стала невольной свидетельницей одной любопытной встречи. Где-то в середине вечера я обратила внимание на взгляды, которыми обменялась мужская половина нашей компании, вскоре после этого Павел извинился и отошел, по его словам на пару минут. Немного погодя, мне стало ну очень нужно разыскать 'дамское уединение' и поскольку из дам никто не знал его месторасположение, а мужчин я постеснялась спрашивать, то пошла разыскивать сама, и в который раз завернув не за тот угол, услышала голос своего мужа:

— Карина может ты прекратишь этот балаган? Я тебе уже в который раз объясняю между нами всё давно закончено. Я женат и я люблю свою жену.

Выглянув из-за этого злополучного угла, я увидела шикарнейшую брюнетку с умопомрачительной фигурой, висящую на шее у Павла, тот в свою очередь, упорно пытался её от себя оторвать. Брюнетка отлепляться от него никак не желала и что-то тихо говорила. Я знаю, что подсматривать и подслушивать не хорошо, но кто бы упустил такую возможность. Наконец Павел всё же одержал победу, но девушка оказалась очень упертой и тут же начала выяснять отношения. Какая прелесть. В чем она его только не обвиняла, нужно кстати взять на заметку, вдруг понадобится в дальнейшем. У кого учиться, как не у профессионалов. И тут эта Карина выдала то, что заставило 'мои ушки встать на макушке'.

— Что вообще происходит, чем она тебя так к себе присушила? Ты совсем свихнулся на этой малолетке, под статью подставился. Или обычным способом надоело, решил в киднепинг поиграть?

Дальше я уже не слушала, развернулась и отправилась на свои поиски дальше. Мозг пытался переварить полученную информацию и пока у него как-то плохо получалось. Ладно, наше от

нас не уйдет. Туалет я всё же нашла и после его посещения вернулась за столик, где мне сообщили что мой муж бегаёт по потолку в моих поисках. Я индифферентно пожала плечами: 'Каждому своё.....' Бухенвальд. Нарисовавшийся вскоре, Павел выглядел нервным и растроенным, но узрев меня на месте, успокоился. Это он зря. Мне было о чём его спросить. Уже в самом конце веселья решили завтра сделать шашлыки у Валеры и стали собираться домой. Приехав домой, муж пошел провожать меня до двери комнаты. Тут то ты и попался голубчик. Я распахнула дверь и гостеприимно предложила зайти на продолжение разговора:

— Я хочу сегодня поставить на прошлом точку, но этот вопрос я не могу не задать: с кем ты ещё обошелся подобным образом?

От моего вопроса он дернулся, как от тока:

— Ты действительно хочешь это знать?

— Да. На моё решение это уже не повлияет, зато поможет избегать в будущем всяких сюрпризов.

С видом обреченного на смерть, мне ответили:

— Ни с кем.

Значит у меня эксклюзив. Что-то в этом роде я и подозревала, после откровений Карины.

— Чем я тебе досадила?

Павел подошел к окну, повернулся ко мне спиной и тихо начал говорить:

— Не знаю. Меня как заклинило. Как тебя в клубе увидел, так мозги напрочь отказали, понимал всё, а остановиться не мог. После твоего побега, вообще с ума сошел. Я весь город перевернул чтоб тебя найти, а когда нашел....только тогда понял что натворил. Самонадеянно думал уладить потихому — время, подарки, внимание. И видел же — ничего не получается, да самолюбие признаться самому себе в этом не позволяло. А потом стало ещё хуже. Я ждал твоего выстрела, готов был, даже рад что мучения закончатся и....

Боль в тихом голосе рвала душу и я остановила:

— Хватит! Я устала от боли, давай не будем беречь раны ни твои, ни мои. Завтра, нет уже сегодня, начался новый отсчет наших отношений. Я хочу жить будто НИЧЕГО не было.

Подойдя к нему вплотную, положила руку на его, сжатый до белых костяшек, кулак:

— Ты согласен?

Повернув голову, Павел встретился со мной взглядом:

— Клянусь, я никогда больше не сделаю тебе больно.

И я почему-то поверила.

Эта ночь стала для меня переломной или, правильнее сказать, перевалочной к новой жизни. Мало принять решение и претворить его в жизнь, гораздо сложнее убедить себя следовать этому решению, не отступая, не впадая в пучину сомнений, создать из этого аксиому, а не теорему. Уснула я почти под утро и была безжалостно разбужена девчонками, готовыми ехать

к Валере. Не сказать чтобы я горела желанием, но пришлось подчиниться большинству. Спускаясь вниз и наткнувшись на Павла, выглядевшего таким же невыспавшимся, как и я, поинтересовалась:

— Ты спал хоть чуть-чуть?

Он ответил, внимательно изучая выражение моего лица:

— Нет, всё думал как ты воспримешь...

Мы два параноика, по другому не скажешь. Всё! Стоп! Я хочу радоваться жизни, ездить на шашлыки и не бояться. Мне пришла в голову мысль — если я вчера его коснулась сама без отвращения, может быть ещё раз попробовать? Я взяла его за руку и посмотрела в глаза:

— Я же обещала — ничего не изменится. Ты забыл? Прекращай впадать в панику, у нас впереди замечательный день.

И не дав ему возможности опомниться, поскакала по ступенькам вниз.

Во дворе нас уже ждал Андрей в своей машине, так как в одну наша компания не помещалась, а Павел решил не садиться за руль, боясь уснуть.

Шашлыки у Валеры получились чудесные. Стояли последние теплые дни осени. Мы сидели в крытой беседке, ели вкусное мясо и пили белое вино, мне, естественно, не налили. Под вечер, компания разбилась на парочкам, даже маме достался солидный усатый мужчина Петрович, служащий здесь начальником охраны, и мы остались с мужем вдвоем. Он принес мне плед, укрыл ноги и присел рядом. Мы молчали и смотрели на темнеющее небо, его рука накрыла мою и замерла, я позволила. Это был хороший вечер.....

Дни шли за днями... Я снова ходила в университет, но охрана меня уже, Слава Богу, не сопровождала. Часто после занятий, меня встречал Павел и мы шли куда-нибудь — кафе, парк, кино. Общаясь и изучая друг друга, мы находили много общих предпочтений или спорили до хрипоты, пытаясь отстоять своё мнение. С приходами холодов, мы зажигали вечером камин и сидели, смотря на пламя. В один момент, я осознала, что больше не боюсь его прикосновений. В то утро проснувшись очень рано и решив выпить кофе, я спустилась на кухню. Меня опередили. Спиной ко мне, обнаженный по пояс, стоял Павел и варил кофе. Меня заворожило зрелище его мышц, перекачивающихся под смуглой кожей. Почему мне, до зуда в кончиках пальцев, захотелось потрогать их? У меня нет ответа... Я подошла и прикоснулась ладошками к его спине, ощущая тепло и гладкость кожи. Муж вздрогнул и застыл неподвижно. Уже давно выкипел кофе, а мы всё стояли — я, пытаюсь разобраться в своих ощущениях и он, опасющийся спугнуть. Сколько прошло времени, пока я оторвала ладони и не отступила назад, трудно сказать. Его глубокий вдох, быстрое движение и вот мы уже смотрим друг другу в глаза. Медленно я поднимаю руку и касаюсь его щеки, время опять замирает, его руки ложатся мне на плечи, подвигая ближе к себе, обнимая и прижимая, я слышу бешенное биение его сердца и мне спокойно. У меня получилось! Это была моя первая победа над своим страхом. Можно было двигаться дальше.....

Я отчетливо помню свой первый поцелуй. Мы пошли в кино на какую-то разрекламированную зарубежную мелодраму, билеты нам достались в последнем ряду. Нет, не по заказу, это действительно был Мистер Случай. На экране героиня каждые пять минут с кем-то целовалась. Меня начало разбирать любопытство, какое же удовольствие в этом находят. Скосив глаза на Павла, я заметила его взгляд устремленный на мои губы. Быть может пришла пора попробовать? И я повернулась к нему. Медленно наклоняясь ко мне, он давал мне возможность

передумать и отказаться. Прикосновение его губ было легким и нежным. И это всё? Удивленные глаза. Улыбка в ответ. Повторение. Губы становятся более настойчивыми, они дразнят, заманивают, обещают..... Миг и они уже ласково просят довериться им, уступить, отдаться на милость... Я сдалась... и мне понравилось... Вот и вторая победа над страхом.

За окном падали пушистые хлопья снега, превращая наш сад в зимнюю сказку. Завтра Новый Год и по обычаю, в него нужно вступать, закончив свои дела и освободившись от проблем, а проблема у меня была и немаловажная — я отчаянно трусила сделать последний шаг. Воспринимая абсолютно нормально, и наверно где-то даже получая удовольствие от объятий и поцелуев, мне было трудно пересечь черту, отделяющую флирт от полной физической близости. Не помогли и объяснения мамы, почему у Павла в последнее время появилась столь горячая любовь к принятию холодного душа. Жалко, стыдно и страшно. Впрочем, убегание от проблемы, не сделает её более легкой в будущем, если вообще не сделает непреодолимой... Тяжело вздохнув, я перестала рисовать пальцем на оконном стекле узоры, и уселась на свой любимый подоконник. У меня всё всегда начинается с самоанализа и самокопания, сначала нужно довести себя 'до ручки', попутно осчастливив этим же окружающих, и только потом может быть я до чего-то додумаясь. Может хватит? Издеваясь над собой и над ним, я явно не делаю нас обоих счастливыми. Всё, пошла. Запахнув халатик и затянув поясок, я потопала в спальню к мужу. Честно признаться — это я сильно сказала 'потопала', на самом деле, я ползла со скоростью улитки, ожидая, что сейчас что-то случится и всё можно будет с чистой совестью перенести на завтра. Против моего ожидания, к его двери я приблизилась безо всяких происшествий, ещё минут пятнадцать не могла заставить себя постучать в дверь. Не смейтесь, у меня и так мозги набекрень. Собрав в кулак оставшуюся силу воли, я постучала. Дверь почти мгновенно распахнулась, на пороге стоял муж, удивленно рассматривая 'ночное видение', явившееся к нему в гости:

— Что случилось?

Что случилось, что случилось... Более глупого вопроса трудно было задать. Жена случилась. А что я ему должна сказать? Ой... Про это-то я и не подумала. Как будем выкручиваться? А никак.....

— Я могу войти?

Меня пропустили во внутрь, провожая недоуменным взглядом, и я его понимаю — сама бы так же пялилась. А была — не была... Я подошла к мужу в плотную и обняла за шею:

— Я к тебе пришла.

Непонимание, удивление, радость, сменившаяся тревогой..... Меня тихо спросили:

— Ты уверена?

Ни в чем я не уверена, но тебе об этом знать не обязательно.

Поцелуй..... его губы изучают, исследуют, зовут за собой в страну чувственности и наслаждения..... халатик, растекшийся шелковой лужицей у ног... руки, скользящие по моему телу, не пропускающие ни одного изгиба, ни одного сантиметра, обнаженной кожи... возбуждение, нарастающее с каждой лаской, поднимающееся изнутри, требующее удовлетворения... тихий шепот:

— Останови меня сейчас, потом я не смогу...

Какой ты глупый, мне хорошо, не испытывая страха, отвращения или боли, я могу отдаться теплым волнам нежности, искупаться в твоей любви, нырнуть в омут страсти... Зачем мне останавливать тебя? Продолжай... Водоворот новых чувств, эмоций, ощущений, бушует вокруг меня, захватывает, вовлекает... впервые, тяжесть его тела становится желанной, проникновение кажется спасением, движения бедер приносят облегчение... его судорога страсти, глухой стон... и всё...

Лежа на его плече, прижатая к его телу, я думала о том, что к сожалению мне не удалось испытать то, о чем шепчутся девчонки между собой, о чём написано столько умных научных книжек и любовных романов, не было этого... но я не отчаивалась, кто знает, может быть всё ещё впереди, а если и нет, что ж, как можно жалеть о том, чего никогда не испытывала? Поерзав, пытаясь устроиться по удобнее, я вдруг обратила внимание на выражение его лица, и оно мне сильно не понравилось — слишком напряженное: глаза прикрыты, губы стиснуты, только что зубами не скрипит. Я что-то пропустила? Что на этот раз произошло? Я позвала:

— Паша.

Муж вздрогнул:

— Ты хочешь чтобы я ушел?

Как-то я перестаю понимать ситуацию:

— Зачем тебе уходить из своей спальни?

Отодвинув меня, он сел на краю и дальше я уже общалась с его спиной.

— Затем, что я опять сделал тебе больно.

У меня не семейная жизнь, а американские горки — вверх, вниз, вверх, вниз — создадим проблему, решаем проблему, создадим проблему, решаем проблему.

— А с чего ты это взял?

Лучше бы не спрашивала. Развернулся, аж побелел весь:

— Может хватит меня жалеть, я же не слепой, ты просто терпела и ждала когда всё закончиться.

У меня глаза на лоб полезли.

— Паша, ты идиот! Мне было здорово, как никогда до этого не было! Да, я не испытала этот чертов оргазм, на котором все зациклены и что? Мне от этого хуже не стало! Я теперь хотя бы понимаю разницу между трахаться и заниматься любовью! Тебя то, что не устраивает? Это я должна предъявлять претензии, а я молчу, как ты можешь заметить, зато ты стараешься за двоих!

— Вот именно, молчишь! Потому что обидеть не хочешь!

Тааак, у нас начинается первая семейная сцена, и где? В постели. Классика жанра. Сейчас мы поорем друг на друга, потом разбежимся по разным комнатам, и что? Опять всё сначала? Ну уж нет!

Наплевав на его злость и дернув на себя, я уселась сверху:

— Слушай меня сюда и запоминай. Первое, я НЕ знаю КАК положено себя вести при близости и какие звуки при этом издавать. Второе, мне было классно и я не против повторить. Третье, если кого-то не устраивает, то этот кто-то может катиться на все четыре стороны, а я собираю учебники и еду домой к маме! Но на последок...

И я его поцеловала, сама, в первый раз, по настоящему и, конечно, никуда я не поехала...

Абсолютно не понимаю мужских комплексов: если не..., то всё, кранты. Сделают из этого трагедию и ходят, страдают. Спрашивается — зачем? Думаю, они и сами ответ не знают...

Наша семейная жизнь наладилась, по крайней мере для меня. чувствовала я себя прекрасно, никаких комплексов неполноценности не возникало. Для меня уже было счастьем, что я могла воспринимать сексуальную сторону отношений без отвращения, наоборот, мне было интересно трогать и изучать мужское тело, такое вроде бы сильное и мускулистое, и в тоже время уязвимое. Я перебралась в его спальню, оставив свою комнату, как личный кабинет, и наслаждалась жизнью. Время летело незаметно. Было уже тепло, когда возвращаясь из университета, на воротах я получила пакет, адресованный мне. Дома я обнаружила в нем видео кассету и записку 'Тебе понравится, Элана!'. Странно всё это, но кассету вставила, телевизор включила и застыла... На экране мой муж и Карина занимались сексом или любовью, назовите как хотите, это ничего не изменит. Мой тщательно созданный мир рушился, я гибла под осколками... В этот миг я поняла — душа может болеть гораздо сильнее тела и нет лекарства от этой боли... У меня не укладывалось в голове, как человек, столько раз говоривший мне о любви, мог поступить со мной вот так подло, предать, растоптать. За что? За то, что я изо всех сил старалась сделать нашу совместную жизнь счастливой, переступив для этого через ненависть и обиду, изменив своё отношение... Есть ли мерило человеческой низости?... Остановив кассету, я вышла из дома. Погруженная в свои мысли, даже не заметила как оказалась перед дверью квартиры. Ключи... Звонок в соседнюю дверь:

— Баба Маша, можно ключи?

Пожилая женщина, внимательно осмотрев меня, протянула связку:

— Элана, с тобой всё в порядке?

— Да, спасибо.

Со мной теперь всё в порядке, я опять одна...

Зайдя в квартиру, я переоделась, сложила вещи в пакет и опять позвонила в соседнюю дверь:

— Баба Маша, сюда может придти мужчина, зовут Павел, передайте ему, пожалуйста, вещи и скажите, что я не хочу его видеть, никогда. И вот ещё... это тоже.

Я стянула обручальное кольцо и вложила в ладонь соседки.

— Ты с мужем че ли поругалась? Так помиритесь, дело молодое...

— Нет, он знает причину.

Вернувшись в убежище квартиры, я улеглась на диван, завернувшись в плед с головой. Я не хотела никого ни видеть, не слышать, я хотела перестать чувствовать эту оупляющую, сводящую с ума боль от предательства мужчины, которого за несколько последних месяцев начала считать родным. В голове всплывали кадры с кассеты, как он мог, целовать меня и идти

к ней? Как мерзко... Боже, как мне больно... Это пронзительное чувство обернулось вокруг меня коконом, заставляло корчиться в судорогах, не отпускало ни на минуту... Может быть облегчение пришло бы со слезами, но их не было, я не могла плакать, не могла... Не слыша ничего, кроме стучавшего в висках вопроса 'Почему', я пролежала двое суток... Потом пришло решение — я начинаю новую жизнь... без него. Составив план действий, я вышла за дверь. Меня тут же перехватила Баба Маша, как-будто дежурила в ожидании:

— Эланка, ты чё творишь? Дверь почти не открываешь? Я извелась вся. Твой то часа два в дверь ломился, пока я из магазина не пришла, да не пристыдила за шум то. Пакетик и колечко, я отдала, он как колечко то увидел побелел весь, затрясся. Ага. Сутки потом здесь на лестнице просидел, я ему, болезному, три раза воды выносила. Слышь, девка, может зря над мужиком мудруешь? Накось, записку мне оставил.

Женщина сунула мне в руки сложенный листок бумаги, я порвала не читая. Баба Маша осуждающе покачала головой:

— От ведь упрямая, как чуял он, на словах передать велел, мол не виноват он.

Это выше моих сил, я молча развернулась и пошла вниз. У подъезда стояла его машина, передняя водительская дверь открыта, Павел сидел, сложив руки на руле и уронив на них голову. Я подошла:

— Павел.

Он поднял голову и начал выходить:

— Не подходи. Если ты ещё раз приблизишься ко мне, я выброшусь из окна или брошусь под машину, что будет быстрее и легче сделать. Ты понял? Я не шучу.

Мне больше нечего было добавить и я ушла, не видя отчаяния в его глазах. Он поверил мне.

Заполняя свои дни работой и учебой, я пыталась спрятаться от мыслей. Днем это срабатывало, а по ночам... возвращалась боль... Я не могла забыть о Павле, он всегда присутствовал в моей жизни. Иногда я видела его у университета, иногда он ехал со мной в автобусе, его машина стояла под окнами каждую ночь... Я устала мучиться и подала на развод. Поскольку у нас не было детей и имущественных требований я не предъявляла, день назначили через три недели. В ночь перед судом, в памяти всплыли сцены с видео, отгоняя их, я вдруг ощутила беспокойство, что-то упорно ускользало от моего внимания, но не давало отмахнуться. Что именно? Прокручивая по памяти кадры, до меня дошло, что я дура. Самая настоящая идиотка и дура! У Павла не было шрама от пулевого ранения! Видео было снято ДО того, он действительно не виноват, я сама, не разобравшись, устроила себе чистилище. Господи, что же я натворила! Я бросилась к окну — машины не было, набрала номер телефона. Трубку взяла Тамара:

— Эланочка, нет его и не знаю где. Что передать то.

Попросив передать связаться со мной, я повесила трубку и стала ждать утра, надеясь перехватить перед судом и объясниться. Я дождалась, Павел просто прошел мимо, не повернув головы. Когда чуть помедлив, я вошла следом, его нигде не было, появился он только на заседание. Меня душила обида. Глупо, конечно, но нервы сдали в конец. Мы заняли свои места и судья, уставшая женщина, средних лет, обратилась ко мне:

— В своем заявлении Вы указали причину — не сошлись характерами. Вы подтверждаете это?

Я кивнула. Тогда она перенесла внимание на Павла:

— Вы согласны с этим заявлением?

Последовал спокойный ответ:

— Нет. Меня полностью устраивает характер моей жены, и я согласен изменить свой, если она считает это необходимым.

Судья вернулась ко мне:

— Поскольку согласие не достигнуто, есть ли другая причина для развода, требующая озвучания?

Меня замкнуло:

— Есть. Он мне изменил.

Павел повернулся в мою сторону, не дожидаясь вопроса:

— Я этого не делал и могу доказать.

Пора прекращать этот фарс. Обида и злость могут завести туда, откуда не будет возврата:

— Я знаю.

У него перехватило дыхание, а потом он взорвался:

— ТЫ ЗНАЕШЬ? ЗНАЕШЬ И ВСЁ РАВНО ХОЧЕШЬ РАЗВОДА? Я СОГЛАСЕН!

И вылетел из зала. Я последовала за ним минут через пятнадцать, было необходимо уладить формальности, и нашла Павла в коридоре, уткнувшегося лбом в стену. На моё появление он отреагировал:

— Мне нужно что-то подписать?

— Нет.

Разворот ко мне всем корпусом:

— Почему?

Информирую:

— Я забрала заявление.

Повторение вопроса, на сей раз требовательным тоном:

— Почему?

Вздохнув, поднимаю на него глаза:

— Я тут подумала, что ты мне должен один шанс на прощение.

По-моему его заклинило, так как слышу опять:

— Почему?

— Что почему?

— Почему я должен тебе этот шанс.

Отступить мне некуда:

— Потому что я тебя люблю. Достаточно веская причина?

Смотрю на остолбеневшего мужа и думаю 'Может не стоило так сразу? Надо было подготовить?', но если сейчас последует 'Ты уверена?', я его убью. Честно, убью и сдамся, благо ходить далеко не надо. Не последовало... Меня прижали к стенке и поцеловали. Перед глазами всё поплыло, ноги подкашивались, мозги отказали полностью. Я его хотела прямо здесь и прямо сейчас, абсолютно наплевав, где мы находимся, похоже спятила не одна я, поскольку сграбастав меня одной рукой и не отрываясь от поцелуя, Павел умудрялся проверять двери, и вскоре мы ввалились к подсобку. Достигнув точки кипения, не обращая внимания на падающие под ноги швабры и веники, муж приподнял меня, задрав подол платья, сдвинул трусики и, выдохнув мне в губы: 'Люблю', вошел, начиная бешеные движения бедрами. Меня захлестнула мощная волна, идущая снизу и поднимающаяся всё выше и выше, накрывающая с головой и... взрывы, один за другим, вызывающие крики, заглушаемые поцелуями. Господи...

И пусть у меня не было шелковых простыней, усыпанных розовыми лепестками, и свой первый оргазм, я получила в грязной подсобке, в здании городского суда. Меня это не беспокоило. Какая разница — где? Главное — с кем! Мы прошли долгий и трудный путь, совершая и исправляя ошибки, учась понимать, прощать и любить. Что бы не уготовила нам Судьба, хочется надеяться, что мы сможем пережить это вместе, чувствуя в друг друге опору. Теперь зная, что ненависть может быть оборотной стороной любви, хотелось бы добавить — не спешите рубить с плеча, присмотритесь, а вдруг, находящемуся рядом, человеку нужен только один шанс для исправления ошибок и этот шанс откроет для вас путь в страну счастья...

Конец!!!!!!!!!!